

Кристина Юраш

Принцесса

по ГОСТу

16+

Кристина Юраш

Принцесса по ГОСТу

«Автор»

2019

Юраш К. Ю.

Принцесса по ГОСТу / К. Ю. Юраш — «Автор», 2019

Кролики - не только ценный мех! Пусть эта сволочь змеиная об этом знает!
Нечего обламывать мне сказку, проклинать меня и отбирать престол! Днем я
- пушистый говорящий кролик, который мечтает нагадить в тапки. Но какие
тапки у нага? Приходится обильно гадить в душу похитителю. Ночью я -
девушка, которая выносит мозг и план побега.

© Юраш К. Ю., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава первая. Всеобщая принцесолизация	5
Глава вторая. До свадьбы заживу!	16
Глава третья. Гуляй, шальная... А лучше – вальсом!	24
Глава четвертая. Развращаться – плохая примета!	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кристина Юраш

Принцесса по ГОСТу

Глава первая. Всеобщая принцесолизация

Принцесса по ГОСТу

Я рождена, чтоб сказку сделать пылью,
преодолев пространство и позор!

– Что-то сильно смазливая получилась, вам не кажется, многоуважаемые министры? Такая еще и понравиться может! – опасливо прищурился первый министр, критически рассматривая портрет и потирая окладистую, стриженую бороду.

– Вот зря ты, Каспар, мне кажется, что сойдет! – прокашлялся в платочек министр финансов, потирая запотевшую лысину и поглядывая на часы.

– Сойти – не выйти! Там такие красавицы будут – глаз не отведешь! А нам надобно пострашнее! Понеказистей! Чтобы при виде нее перед смертью пить перехотелось! Чтобы при мысли о том, что наследники будут похожи на нее, хотелось спрятаться под одеяло, – сардонически заметил первый министр, присматриваясь к портрету. – Эй, художник! Мог бы что-нибудь с ее волосами сделать! Ну так, чтобы там три волосинки было? А то тут прямо локоны... Не порядок!

Придворный художник трагично закатил глаза, словно уже мысленно нарисовал посмертные портреты всех присутствующих.

– Опять? Вы мне за глаза доплатите? – поинтересовался он, снова наводя краску. – Идите вы в тюбик!

– Тебе за глаза хватит! Рисуй! Если к утру не будет готов портрет принцессы, пойдешь в первых рядах добровольцев на войну, которую нам объявят! – рявкнул тучный министр обороны, расстегивая пуговицу камзола и нервно обмахиваясь посланием.

– С вас двести рублей, – равнодушным голосом заметила усталая парикмахерша, подметая старой шваброй мои волосы и бросая фен на столик. – Зи-и-ин! Кто там следующий по записи?

Моя дрожащая рука потянулась к старенькой сумочке. Я боялась даже взглянуть на «подровнять концы». Мне очень хотелось подровнять тот конец, который объявил режим строжайшей экономии. Из зеркала на фоне красоток, вырезанных из журнала неизвестным маньяком, на меня смотрело лысоватое нечто. Радостный Голлум вздыхал с умилением, глядя на «мою прелессссть!», понимая, что даже его судьба не обделила потенциальной парой.

– Ну как? – поинтересовалась парикмахерша, пытаясь ободрить меня, дабы я не покончила с собой после выхода из салона красоты «Туа Летуаль». – Вам так идет! Теперь придется с собой носить паспорт!

Согласна! Паспорт нужен обязательно, чтобы доказывать, какого я пола! Я выдала две смятые купюры, проверяя стопку чеков.

– Не могу дозвониться следующей! – послышался ленивый голос из-за стола администратора, которая тем временем со скоростью станка пилила ногти нахохлившейся женщине за пятьдесят, и прижимала к уху телефон. – Инесса Абрамовна, вам красненьким, как обычно? С золотинками? Алло! Вы не забыли? У вас сегодня запись...

Я сглотнула, прижимая к груди свою старенькую шапочку с бубончиком, которая должна ближайшее обозримое будущее играть роль шапки – невидимки.

– Не хотите купить бальзамчик с кератином? Фирменный! – поинтересовалась парикмахерша, показывая на витрину. – Он у нас сейчас со скидками! Пятьсот рублей!

Сколько? Пятьсот рублей за бальзам? Да меня дома убьют!

– Нет, спасибо, – я выдавила улыбку, натягивая куртку и вылетая пулей из парикмахерской. Хоть бы не встретить никого из знакомых!

– В-о-от! Каспар! Взгляни! – пробасил министр обороны, когда усталый художник продемонстрировал результат. – Теперь другое дело! Три волосинки! Как и полагается! Пусть думает женишок, что больная она у нас! Наследственность плохая! Не растут у нее волосы!

– Ты прав, Андрес. Надо бы мешки под глазами нарисовать побольше! Или синяки! Чтобы точно знали, что она у нас пьет наравне с батюшкой! – звонко чихнул министр финансов, пытаясь отдышаться.

– А вдруг решат, что она не пьет, а о государстве думает? – критически заметил министр финансов, растирая мешки под глазами.

– Надо как-то подчеркнуть, что о государстве она совсем не думает! Чтобы по взгляду было понятно, что думать она вообще не умеет! – ударил кулаком по столу министр обороны.

– Ты не прав, Андрес! Женское дело – смирно лежать и детей рожать! Умная интриги плести начнет, или даже отравит, чтобы короной завладеть! – предположил первый министр, потирая руки. – Наша принцесса(, и писать, и даже считать умеет! Любому министру фору даст! Даже тебе, Оджерс!

В гипермаркете радостно со всех колонок неслись канувшие в небытие финансового произвола новогодние праздники, пока я застыла возле стеллажа с краской для волос. Нет, это дорогая... Меня убьют! Двести рублей за краску – дорого! Так, а что у нас на нижних полочках... Краска для волос «Принцесса». Что тут у нас по палитре? «Мореный дуб», «Огненный каштан», «Холодный Каштан» и ... «Ольха». Отлично! Берем ольху. Будем ольхой за сто рублей!

С потертой упаковки фальшиво осканилась девушка – бревно, намекая на то, что через три часа я себя в зеркале не узнаю! На меня будет смотреть не вселенское невысыпающееся зло, а настоящая принцесса!

– Назвался ольхой – полезай в лукошко, – пробурчала я, проходя мимо стеллажей с дорожкой краской. Пройти, не поднимая глаз – вот наш скромный семейный девиз.

О! Просрочка по скидке! Молочко, творожок и какой-то йогурт. Несем-несем на кассу!

– Вам пакетик какой? – равнодушно интересуется кассир, поднимая глаза на меня. – Средний или маленький?

– Пакетик не надо, – вздохнула я, доставая кошелек и пересчитывая деньги. – У меня свой есть! А можно краску отдельным чеком пробить? Чтобы не в общий?

– Поздно, я уже пробила! С вас восемьсот девяносто шесть рублей! – устало выдохнула кассирша, поглядывая дальше на ленту, а я достала деньги, отсчитывая сумму.

– Погодите! – прокашлялась я, шурша чеком. – А почему картошка по тридцать рублей? У вас там по двадцать написано!

– Потому что по тридцать! Ценник забыли поменять! – скривилась кассирша, пробивая кому-то апельсины, копченую скумбрию и прочие лакомства, от которых голодный желудок скорбно заурчал, срочно требуя домой.

– Если наша принцесса больная, то пусть худой будет! – подсказывал министр финансов, снова чихая. – Чих... чих... чихоточная! И росточку маленького! В детстве болела много, вот и не выросла! И такая вся, как воробышек! Чтобы не то, что корону... Веер не подымет!

Художник вздохнул, глядя на соблазнительные формы, обрисованные дорогим платьем, и стоически достал скипидар.

Зависть берет в тот момент, когда вытаскиваешься с пакетами и видишь, как счастливые пары укладывают в багажник покупки, садятся в машину и уезжают с парковки, а тебе предстоит чавкать позапрошлогодними сапогами по хлюпающей чаче талого снега, неся в каждой руке по десять килограммов. Чертыхаясь так, что где-то испуганно жались друг к другу все обитатели ада, я тащила покупки домой, чувствуя, как руки превращаются в веревочки, а спина в знак вопроса. Опыт подсказывает, что именно в моменты, когда у тебя заняты руки, о тебе вспоминают двоюродные тетки, бывшие одноклассницы, подруги, с которыми уже пять лет не виделись, родственники и все-все-все, внезапно поймавшие себя на мысли «а не позвонить ли ...?».

Пришлось поставить пакеты на снег, доставая из сумки старый, треснутый, дребезжащий дурацкой задорной мелодией кнопочный телефон.

– Да! – устало выдохнула я, провожая завистливым взглядом проезжающие машины. – Я просто пакеты несу. Нет, не слышала, как ты звонил! Что значит, обиделся? Я не поняла? Обиделся на то, что я не хочу с тобой разговаривать? А ничего, что у меня руки заняты!? Мог бы и встре...

Где-то в серости неба рождался снег, а на светофоре снова гудела пробка.

– Давай дома поговорим! Мне просто неудобно! – закатила глаза я, чувствуя, как чавкает гримпинской трясинной правый сапог. – Да, купила! Чеки сохранила! Все сохранила! Я же сказала, что мне неу...

Трубку бросили, а я снова впряглась в пакеты.

– Видели принцессу Ильвину? – крикнул от восхищения, подкручивая ус, министр обороны. – Не баба, а мечта! Волосы до пояса, глаза... А! Не умею красоту описывать! Но, короче, баба – хоть куда!

– Поговаривают, что императрицей станет Алира, – усмехнулся первый министр, расхаживая по залу и заложив руки за спину. Часы на стене пробили шесть, а художник наводил краску. – Там не принцесса! Там сказка! Если еще на портрете волосы распустит, то все. Сразу замуж выйдет! Ее три раза похитить хотели! Однажды даже дракон!

Все посмотрели на портрет, понимая, что где-то плюется брезгливый дракон.

– Бедный дракон! Нашу он не потянет! Не донесет! – угрюмо констатировал факт министр обороны, нервно поглядывая на часы. Дверь распахнулась, а голос слуги заставил всех вздрогнуть:

– Гонцы от его императорского величества интересуются, когда будет готов портрет принцессы?

Я ползла беременной улиткой домой, чувствуя, как хлюпают уже оба сапога, а из открытых магазинов доносится задорная новогодняя музыка. А где-то в СТО(, стоит в разобранном состоянии уже полгода наш, почти семейный, автомобиль. Запчасти на это чудо техники, казалось бы, шли, но пешком с другого конца света, делая большие передышки и отдыхая месячишко-другой на границе. Зато каждую неделю чья-то рука исправно брала деньги из копилки на Малышку 2002 года выпуска, которую как-то случайно занесло на обочину. Подлое дерево не успело убежать, так что машина, за руль которой я никогда не садилась, все еще томится в темнице, где пахнет машинным маслом, грязные руки вытирают черными тряпками, сплевывают на пол и называют друг друга по отчеству: Михалыч, Андреич и Петрович.

– Пустяки, дело-то житейское! Ну-у, мася-я-я-! – меня трепали по голове, вытряхивая из копилки последние пять тысяч, которые я отложила на квартиру.

Последнее время у меня складывалось впечатление, что черная дыра, о которой твердят ученые, находится не в соседней галактике, а в соседнем районе. И смотреть нужно не в телескоп, а в микроскоп, разглядывая оставшиеся после ремонта машины деньги.

– О! Евочка! – неожиданно послышался удивленно – радостный голос. – Я тебя сразу и не узнала! Ты так изменилась!

Я подняла глаза на красавицу в дорогой норковой шубке, рядом с которой стоял огромный мужик, трепетно неся женскую сумочку.

– Евочка! Сколько лет! – меня чмокнули в щеку. На секунду я уловила запах потрясающих духов. – Как делишки? Замуж еще не вышла? А мы с Мусиком по магазинчикам решили пройтись! Мне сапожки выбрать! Не знала, какие брать, поэтому взяла четыре пары! И сумочку! И два платица! Хочешь, покажу? Оригинал!

Я изобразила подобие радостной улыбки.

– Мы можем подвести! – заметила Катенька, лучезарно улыбаясь. – Мы тут недавно за границу летали! Прямо на праздники! Только вернулись! А как твои праздники?

– Отлично, – улыбнулась я, глядя на роскошные кольца и дорогие замшевые сапожки. – Просто чудесно! Посидели в семейном кругу!

Меня уже трамбовали в машину, сдвигая брендовые пакеты.

– Мусенька! Мы с ней вместе учились! И даже жили в одном подъезде! Подвезем ее? Тут недалеко! – красивые губы чмокнули небритую щеку. – Я ей рассказывала про то, как мы отдохнули! Вот-вот! Смотри! Это я на пляже! А это верблюд! Там такие коктейли!

Я сидела на кожаном сидении нахохлившимся воробьем, пока мне показывали фотографии с отдыха, какие-то платья, шурша пакетами, и щебетали о планах на будущее. «Мусик» спокойно и уверенно перестраивался из ряда в ряд, пропуская пешеходов.

– ... я ему и говорю, что у меня уже есть пять сумочек! А он молча несет ее на кассу! Представляешь? – щебетали мне, повернувшись ко мне в поворот. – Ты все там же? А я вот не работаю! Мне Мусик запрещает! Нечего мне на работе делать! Ты на фитнес ходишь? Я хожу! Давай ходить вместе! Видела Ируську! Ей месяц назад муж машину купил! Теперь на права сдает! А позавчера встретила Ленуську! Она такая деловая! Выходит из машины, по телефону разговаривает! Нет, замуж не вышла! У нее свой магазин!

Я улыбалась, кивала, глядя, как под моими сапогами натекает грязная лужа, а носок противно хлопает. В зеркале заднего вида отражался нахохлившийся подстреленный воробей в серой курточке, греющийся в карманах озябшие лапки.

– Ну, все! Пока! Чмоки-чмоки! – меня высадили рядом с подъездом, а я старалась не смотреть в сторону отъезжающей машины.

– Пишите, Оджерс! Эм... Принцесса ... Как бы ее назвать? – расхаживал по комнате первый министр. – Как на счет Эванджелины? Звучит! Эванджелины! В честь ее прапрапра... допишите сколько нужно этих «пра» прабабушки Эванджелины Прекрасной, дочери ...

– Эвоно как! Ловко! – благодушно согласился министр обороны, кивая и глядя на портрет.

– Эвана ... хм... Пятого! Принцесса умна и хороша собой. Своей красотой затмила она всех вокруг! Надо написать, почему мы о ней ничего не говорили! – почесал бороду первый министр Каспар, задумчиво глядя на портрет. – И никто никогда ее не видел! Может, просто она очень скромна? Хотя нет, скромность – это достоинство. Упустим! Пишите! Мы никогда никому о ней не говорили из-за проклятия, которое наложил один злой чародей! Его Императорское Величество страсть как боится проклятий! Мы отдали ее на воспитание семье мельника, который передал ее семье дровосека, который отдал девочку семье пекаря...

– Она у нас что? По рукам ходила? – нахмурился министр обороны Андерс.

– А вдруг соберут всех дровосеков и мельников? Вдруг его Императорское Величество захочет все разузнать? Нам тогда не сносить головы! – занервничал первый министр. – Надо, чтобы ее воспитывали те, кого можно предъявить, но кто ничего не сможет рассказать! Может, животные? Как вам? Принцессу воспитывала дружная семья волков в глухом лесу?

– Они же научили ее читать и писать! – согласился министр финансов, громко сморкаясь и скрипя пером.

Я сейчас реально взвою! Мне предстояло долгое восхождение на восьмой этаж без лифта, поэтому я набиралась сил перед последним марш-броском, пиликая домофоном. Возле двери дружно чесалась рок группа «Блохи», требуя, чтобы сердобольная я(, пропустила их в тепло.

Я упорно маршировала вверх, чувствуя, что, если ко мне подкрадется грабитель и вырвет из рук пакет, я буду ему очень благодарна и вежливо попрошу взять и второй. Альпинист – оптимист в моем лице штурмовал вершину, кряхтя и цепляясь за мысли о том, что дома он согреет чайник, нальет чай и сможет эволюционировать в человека прямоходящего. Несмотря на мои СМС-ки, которые лишь подтверждали грустную теорию Дарвина, ко мне так никто и не спустился. Беременным нельзя поднимать тяжести! Да, считайте, что я беременна. Скандалом.

Ключ попал в замочную скважину, я открыла дверь, втаскивая сумки в убогий коридор, который следит за моей фигурой похлеще бизнес-тренера, не давая мне расползнуться на лишний килограмм, иначе я в него не протиснусь.

Из комнаты слышались взрывы, крик и пулеметная очередь. Кто-то орал так, словно в него всадили всю обойму. «Че-е-е-ерт! Вот дерьмо! А!» – именно благодаря этим крикам соседи намекали мне, что есть горячая линия для женщин, которые подвергаются домашнему насилию.

– А... пришла уже? Я просто ... одевался! – послышалось ленивое из комнаты. – В магазине была? Чеки давай!

Через десять минут я чувствовала себя пресс-секретарём министра экономики, объясняющего текущий уровень цен потребителям. На что мне ответили, что в другом конце города видели картошку по двадцать четыре. И шампунь за шестьдесят рублей – это непозволительная роскошь в тяжелые кризисные времена.

– У тебя сегодня должна была быть зарплата! – осторожно заметила я, чувствуя легкий запах праздника, омраченный тем, что о ней никто не заикнулся. Подозрения усиливались с каждой секундой.

– Воспитанная в глуши лесной волками, наша принцесса выросла красавицей! А потом... потом ее отдали на воспитание доброй фее, ... – прочитал вслух первый министр, нервно поглядывая на часы. – У доброй феи она научилась...

– Ты что? Офеел? У меня что? Волшебная палочка, печатный станок? Вот нафея мне такой ... муж, который с зарплаты себе новый телефон купил! – я смотрела как пролетарий на буржуазию, чувствуя праздничный выхлоп.

– Ма-а-ась, ну не злись! – меня потрепали по волосам, тыкая в нос новой игрушкой. – Я же люблю тебя! Смотри, тут оперативка нормальная, камера сорок мегапикселей...

– Мы оперативно вызволили ее из камеры, в которой она томила после того, как ее похитили разбойники! – предложил министр обороны, вслушиваясь в скрип пера. – Они держали ее в темнице год! Живя с разбойниками, она научилась...

– Где оставшиеся деньги? – финансовый минор смотрел на обиженного мажора, чью покупку не оценили. – Нам за квартиру первого числа платить! И есть на что-то надо! Давай сюда деньги! Гони сюда остатки зарплаты! Я кому сказала! Так, давай сюда телефон! Где чек?

– Грабят! – возмущался владелец телефона в половину зарплаты. – Ма-а-ась! Чего ты такая злая? Масюня, ну купил я себе телефон, и что? Чек я выбросил! Нафига он мне?

– Где оставшиеся деньги? – прошипела я, понимая, что сейчас просто задушу его.

– Я купил тебе шоколадку! Потому что люблю тебя! – радостно сообщили мне, доставая маленькую плиточку с улыбочивой девочкой. – Ну чего ты жмотничаешь? Так у тебя там десятка лежала! Ты же на квартиру со своей зарплатой отложила!

Сейчас я кирпичи отложу, а потом выберу самый увесистый и постараюсь исправить ошибку природы!

– Злой дракон удерживал ее в своей пещере и требовал за не выкуп! Два года! Подчеркни, что два года! – палец первого министра поднялся вверх. – Итого, у нас получается четырнадцать лет! Сейчас еще что-нибудь придумаем! У алчного дракона она научилась...

Я сидела и пересчитывала оставшиеся в кошельке деньги, на полу возле закрытой двери валялась шоколадка.

– Тысяча сто... Тысяча сто пятьдесят... Сто пятьдесят восемь, – чахнул над чеками и «добычей» маленький Кошей. – Ничего, на макаронах можно продержаться... Десятку я спрятала в специи. Там он точно рыться не будет!

Из туалета слышалось обиженное:

– Да что-то Маська на меня обиделась! Я ей шоколадку купил, а она... выпендривается!

Я прошла в комнату и украдкой сунула деньги в дырку матраса, прикрыв покрывалом сокровищницу.

– Надо что-то хорошее про нее написать, а то уже как-то сильно мрачно получается! Давайте напишем, что она детей любит! И всегда мечтала о детях! – предложил первый министр, глядя, как в кресле храпит министр обороны, а художник, напряженно сопя, пытается уменьшить грудь. – Пиши про детей и достаточно!

– Я вот тут подумал... Давай заведем детей! – внезапно предложили мне, когда я налила себе чай, заваривая пакетик третий, почетный раз. Я поперхнулась чаем, чувствуя, как у меня течет из носа.

– Машину и мозги заведи сначала! Я верю в единорогов, эльфов, драконов, сказочные замки и в твою машину! – рявкнул я, с горечью осознавая, что в где-то в мире есть хороший чай, который собирали бережные руки красавиц-индианок, а то, что у меня в кружке – явно топтал слон, выражая свой буйный восторг нервным опустошением желудка.

– Машина будет готова в воскресенье! – заявили мне, тут же превращаясь в настоящего принца на белом коне, который разговаривает с несчастной Золушкой. – Я взял у тебя десятку... Еле нашел! Надо ж было так спрятать! В специях! Там просто Андреич случайно ключ на лобовуху уронил! Нужно новое лобовое...

У меня складывается впечатление, что где-то на СТО Михалычи, Петровичи и прочие господа обеспечили семьи на десять лет вперед, а чьей-то мятый конь будет торжественно передаваться по наследству со словами: «Не вздумай починить! Подумай, сынок! Тебе еще внуков кормить!».

– Так пусть сам покупает лобовое! – возмутилась я.

– Ну, ма-а-ась, ну чего ты? Я люблю тебя! Он и так нам по скидке делает! Там капельку осталось доделать! – шептали мне, целуя в щеку. – Совсем капельку. Я знаю, что у тебя там денюжка есть! Ма-а-ась! Нужно еще соленблоки менять... И все! Малышка готова!

Я стоически молчала, поэтому на меня смертельно обиделись.

– Мне кажется, или светлые волосы – слишком красиво? Давайте какой-нибудь мрачненький цвет! Светлые сейчас в моде, – вздохнул первый министр, отходя подальше с видом ценителя живописи. – Нужно что-то унылое...

И тут не выдержал художник, дрожащим голосом замечая, что его попросили нарисовать? портрет принцессы, а не гравюру для книги о чудовищах! И вообще? Где натурщица? Без натуры он не работает!

– Нужно что-то ... эм..., – присматривался к лицу министр финансов. – Зеленое! Пусть будет зеленый! С зеленой! Вот! Совсем другое дело!

– Царевна! – икнула я, застыв перед зеркалом. – Лягушка...

Фен чуть не выпал из моих рук в тот момент, когда на меня из зеркала смотрел плесневелый одуванчик. Красотка с распечатанной пачки улыбалась, а я хныкала, пытаюсь пригладить остатки зеленоватых волос.

– Кикимора болотная! – я поджала губы, глядя на «ольху». – Вот как я теперь на работу завтра пойду?

Я пыталась смыть все хозяйственным мылом, потом достала стиральный порошок, но стоило мне взглянуть в зеркало, как в голове заунывно и грустно кто-то мычал: «Затянуло бурой тиной, гладь старинного пруда...». Попробую пятновыводитель!

– Ваше Величество! – дверь в роскошные покои осторожно приоткрылись. – Разрешите войти! Как ваше здоровье?

– Его Величество идет на поправку! – заявил целитель, глядя на торчащую из-под четырех одеял голову древнего старца. – Нельзя его беспокоить!

– Пусть войдут! – слабым голосом заметил дрожащий старик, пытаюсь поднять худую руку.

– Ваше Величество! Мы нарисовали принцессу! – отрапортовал министр обороны Андрес, вытягиваясь по струнке.

– Какую принцессу? – слабым голосом спросил король, безвольно утопая в парчевых подушках.

– Вашу достопочтенную дочь! – снова по-военному выкрикнул министр обороны, закатывая глаза.

– У меня есть дочь? Где она? Я хочу ее видеть! – занервничал старик, вода костлявой рукой по расшитому покрывалу.

– Ваше Величество, смею напомнить, что вчера нам пришло официальное послание от императора! Его императорское величество, которому мы все присягнули на верность, изволил жениться на дочке одного из своих вассалов, – с поклоном заметил первый министр.

– Кажется, я вассал... – король протянул руку к целителю. – Прямо в кровать...

– Ваше Величество! Сейчас я позову слуг, и они все уберут! – задергался лекарь, звоня в колокольчик.

– Я хочу видеть свою дочь! Перед смертью посмотреть на свою девочку! – прокашлялся король, прикрывая глаза. – Где она?

– Ну что вы, Ваше Величество, вам еще жить да жить! – бодро заметил лекарь, А слуги суетились вокруг старика, меняя постель. – Вы еще ого-го! Отвар из лягушачьей шкуры и золотой пыльцы и мертвого поднимет! Это – очень действенное средство!

– В послании также говорилось, что те вассалы, которые не пришлют портреты своих дочерей, будут объявлены врагами! – вздохнул первый министр Каспар. – Вот портрет нашей принцессы! Ее точно не выберут, но приказ мы выполним!

В комнату слуги торжественно внесли портрет, подернутый тканью.

– Моя дочь... – выдохнул старик, прищуриваясь, когда с портрета снимали ткань, поднося его поближе.

В абсолютной тишине послышался тихое: «А-а-а!».

– Ваше Величество! – бросился к постели лекарь, беря руку короля, а потом безвольно опуская ее. – Король мертв! Наш достопочтенный государь только что скончался! Горе-то какое!

Я сидела на кухне и тихо всхлипывала, глядя на свое отражение в зеркале. На столе остывал нетронутый чай. За стенкой слышался раскатистый храп.

– Все! – не выдержала я, вставая с места и проходя в комнату. – Собирай вещи и проваливай отсюда!

– Ну, ма-а-ась! Ты чего? – на меня посмотрели, зевая. – Ложись спать!

– Я кому сказала! Вон отсюда! – я вытащила его сумку и стала бросать туда рубашки, свитера, глядя, как он свешивает ноги с кровати. – Лопнуло мое терпение!

– Масенька! – меня обнимали. – Успокойся! У меня сейчас реально нет денег, чтобы снять квартиру! Я люблю тебя, маленькая! Прощу тебя!

Он плюхнулся на колени и обнял мои ноги.

– Тогда я уйду! – решительно дернулась я, доставая вторую сумку. – Мне надоело!

– Я больше так не буду! Это было в последний раз! – умоляли меня, когда я пыталась вырвать руку из чужой руки, чтобы застегнуть молнию. – Ну с кем не бывает! Я люблю тебя! Жить без тебя не могу!

Пока что-то подсказывало мне, что без меня он действительно не выживет! Сердце колола жалость, а спонсором ее выступал грустный взгляд и сопли, размазанные по небритой щеке. «Ну кто тебе еще полочку прибьет?» – нашептывал финансовый кризис. «Да я его раньше прибью!», – отзывалась я, чувствуя, как меня пытаются поцеловать. «Ну кто тебя еще согреет?», – настаивал финансовый кризис. «Батарея!», – огрызалась я, понимая, что моя рука безвольно опускает на пол сумку.

– Я люблю тебя, масенька! Ты – все, что у меня есть! – шептали мне, пока я смотрела в зашторенное окно. – Если мы с тобой расстанемся, я ... я не буду жить! Поверь мне!

Моя совесть пересчитала грехи, закатила глаза и покачала головой, мол, труп на ней никак не поместится! Даже по частям! Меня дожимали, а моя рука опустила сумку. Я развернулась и ушла на кухню, а в комнате кто-то счастливо захрапел. И так каждый раз.

– Приносим соболезнования по поводу скоропостижной кончины вашего короля! Я спешил к вам с радостной вестью! – запыхавшийся гонец развернул послание. – Его Императорское Величество, объединивший тридцать девять земель, извещает вас о том, что принцесса Эванжелина, урожденная дочь покойного короля Эвона Девятнадцатого, только что прошла отбор невест и выбрана в качестве супруги Его Императорского Величества! С радостью сообщаем вам, что Эванжелина пленила сердце Императора настолько, что он соблаговолил прислать ей свой портрет в полный рост, в надежде на скорую свадьбу. Он настолько увлекся ею, что готов был скакать прямо немедленно на встречу со своей невестой, так что Его Императорское Величество прибудет сюда в шесть утра!

В абсолютной, гнетущей тишине послышался нервный кашель. Все стояли в трауре, скорбно опустив глаза.

– А можно отложить свадьбу на день? – спросил первый министр, поднимая глаза на гонца и глядя на намокшие под проливным дождем усища.

– Я бы хотел лично передать послание невесте! Его Императорское Величество настаивал, чтобы я отдал ей его лично в руки! – отпартовал гонец, глядя на черное облачение придворных.

– Наша принцесса, – икнул министр финансов, пряча лицо в кружевной платок. – Наша дорогая... Эванжелина... Она сейчас... В таком горе... Просто неопишимо... После смерти батюшки она не в себе! Заперлась в комнате и сидит... Еще бы... Для нее это такое горе! Давайте мы ей передадим! Как она обрадуется! Мы же не ожидали, что наша бесценная Эванжелина станет императрицей! Она сейчас точно не в себе! В последний раз мы слышали, как она рвет гобелены и ломает мебель... А еще она воем так, что сложно передать словами...

– Понимаю. Горе ее действительно велико, – смиренно вздохнул усатый гонец, протягивая свернутое послание с алой императорской печатью. – Император лично приносит ей соболезнования и просил передать свой портрет, который должен утешить ее в эту трудную минуту.

Дверь захлопнулась, а выжидательная тишина завершилась пронзительным и истеричным криком: «Мы пропали!».

Я смотрела на свет одинокого фонаря, кусая губы.

– Я хочу чудо! – неожиданно и отчетливо прошептала я, опустив глаза и разглядывая хлебные крошки на столе. – Нет, не такое, какое дрыхнет в соседней комнате без задних ног, а настоящее!

Я осмотрелась по сторонам. Добрая фея не появилась из-под стола, золотая рыбка не вынырнула из раковины, джинн не вылетел из пустой бутылки дорогущего алкоголя, стоящей возле мусорного ведра, а список покупок не превратился в выигрышный лотерейный билет.

Перекрыв газ, шоркая старенькими тапками, я переоделась в футболку и улеглась на край кровати, пытаясь отвоевать хоть кусочек одеяла.

– Маленькое чудо, – едва слышно шептала я, обнимая подушку. – Просто маленькое чудо! Малюсенькое! Совсем маленькое!

В меня что-то уперлось.

– Нет, не такое маленькое, чуть-чуть побольше! – я сдвинулась еще на край, чувствуя, как слипаются усталые глаза.

В украшенном траурными шторами зале, расхаживал первый министр. Иногда он останавливался, вскидывал голову, бросал хмурый взгляд на опустевший трон, на котором покоилась осиротевшая корона.

– А давайте скажем, что она тоже умерла от горя? Она же у нас слаба здоровьем! Вот не пережила смерть батюшки! – предложил министр финансов, скорбно глядя на портрет покойного короля. – И быстренько ее похороним рядышком? А Императору скажем, что сердечко бедненькой не выдержало?

– А вдруг подумают, что это мы ее отравили? – осмотрелся по сторонам первый министр, расхаживая, как маятник. – А ведь так и подумают! Император разбираться не будет!

– А если сказать, что она сошла с ума? Или отказалась от этой чести? – предложил министр обороны, стоя рядом с троном.

– Оджерс! Ее все равно придется предъявить! – фыркнул первый министр. – Сумасшедшая или не сумасшедшая, все только и твердят о свадьбе! Давайте скажем, что она сбежала из дворца? Объявим поиски! Напишем с десяток указов! Награду пообещаем!

Я проснулась от того, что где-то просвистела СМС-ка. Мой взгляд остановился на часах, а рука потянулась под подушку. Я нащупала телефон, достала, понимая, что это не мой.

«Мяу!» – выдал Лысый СТО. Это вам кажется, что они – brutальные и потные, а на самом деле они милый, добрые и пушистые котик!

«Мяу-мяу!», – снова «мякнул» Лысый СТО, намекая, что я очень близка к истине.

«Ну, котенька, ты чего не отвечаешь?», – мурлыкнул Лысый СТО, а я понимала, что ничего не знаю про «индивидуальный подход к клиентам».

«Твоя мымра уже спит? Мне просто завтра нужно, чтобы ты отвез меня в салон красоты на кератин! Мне на двенадцать!». Где-то в салоне красоты трепетно ждут Лысого на кератин.

«Спит!», – ответила я, беря телефон и уходя с ним на кухню. Чайник шипел, а я сидела и ждала ответ.

«И дашь денежку на ногти?» – снова поинтересовался Лысый. Нет, я понимаю, что копать в моторе нужно только с маникюром! А что? Длинные ногти – залог успеха автомеханика.

«Да», – написала я, с нетерпением ожидая продолжения.

«Я хочу тебя, мой сладкий!» – история умалчивала подробности ремонта машины, но воображение это не останавливало.

«Я тебя тоже хочу!», – ответила я, отхлебывая чай и отгоняя мысли о больших руках Лысого, испачканных в мазуте.

«Я представляю, как ты зубами снимаешь с меня трусики!», – порадовал меня суровый автомеханик, пока я представляла огромные семейные трусики, которые стягивают похотливые пломбы и один похотливый мост. А я-то думаю, что ж у нас на стоматолога столько денег уходит? А тут, видите ли, трусы зубами стягивают!

«Просто завтра ночью мой муж возвращается из командировки!», – сообщил Лысый и поставил рыдающий смайлик. А я-то думаю, почему этот бугай, которого я видела в последний раз на СТО три дня назад, такой грустный! У него муж в командировке! Пропадает суровый автослесарь без любви и ласки!

– Где мой телефон? – послышался голос, когда я искреннее сочувствовала Лысому, пытаюсь подобрать слова утешения.

– Тише, не мешай! – отмахнулась я, отхлебывая чай и глядя на фотографию в новом белье, спонсором которого стала наша дружная семья. А у лысого неплохая фигура! И чулки ему очень идут! Гораздо лучше, чем затертая черная роба.

– Ты все не так поняла!!! – с этим криком у меня из рук пытались вырвать новенький телефон. – Он просто нажрался и прикалывается! Он часто так делает! Ну дебил он!

Я отбивалась от нападающего, набирая номер одинокого и безутешного автомеханика.

– Алло, котенька? – томно произнес женский голос, а у меня тут же выхватили трубку и сбросили вызов.

На кухне воцарилась тишина. Старенький ночник жужжал в розетке, а я молча водила пальцем по ободку кружки.

– Выметайся отсюда! – в ночной тишине прозвучал голос, отдаленно похожий на мой. – Чтобы утром и духу твоего здесь не было!

– Наш гонец передал послание, что принцесса сбежала! Но его Императорское Величество, обеспокоенный судьбой своей будущей супруги, отправил сюда магов! Чтобы они вернули ее! Живой или мертвой! – отпартовал слуга. – Они ждут позволения войти! Что им передать?

– Мы пропали! – схватился за голову и тихо взвыл министр финансов. – Надо было бежать! Это была твоя идея, Каспар!

– Тише! Пусть войдут! – чинно произнес первый министр. Дверь распахнулась, и процессия в капюшонах магов внесла портрет принцессы.

– Нас попросили помочь в поисках! – заметил сухощавый старик с бельмом на глазу, снимая роскошный, отделанный золотом капюшон. – Я – Магистр магии. Через час принцесса будет здесь. Живая или мертвая! Его Императорское Величество очень обеспокоен ее судьбой, так что не мешайте! Мы проведем ритуал, который вернет принцессу! Портрета будет вполне достаточно! Приступаем! Рисуйте круг, расставляйте кристаллы призыва!

– Мась! Ты там скоро? – стучали в дверь моей скромной керамической приемной, в которой я пыталась принять суровую правду жизни. – Давай, хватит выживать! Открывай!

– Пшел вон! – огрызнулась я, глядя на спущенные трусы и старые тапки.

– Нет, ну, мась, ну нихрена ты – не принцесса! Ну ты на себя посмотри, мась! Мне стыдно с тобой на улицу выйти! Ты сама виновата! – слышался голос за дверью. – Посмотри правде в глаза! Кто на тебя еще поведется? Или ты думаешь, что как только уйдешь, так сразу все! Принцесса? Я никуда от тебя уходить не собираюсь, так что давай, вылезай! Или я выключаю свет! Раз! Два! Я не шучу! Два... Три!

Свет погас, а я почувствовала, как меня дергает куда-то вверх, потом вниз. Я пыталась руками уцепиться за стены, но их не было, а через мгновение меня знатно приложило об пол.

– Хм... – послышался голос надо мной, когда я пыталась натянуть трусы обратно. – Его Императорское Величество сильно огорчится, узнав, что первым он уже не будет! Мы немедленно доложим ему об этом инциденте!

Глава вторая. До свадьбы заживу!

У вас товар, у нас – капец!

– Ваше Высочество! – радостно заорал кто-то, а я чувствовала, что падение с такого «высочества» стоило мне ушибленного колена. – Вы целы?

– Частично, – простонала я, пытаюсь с видом скромницы натянуть трусы обратно.

– Как низко она пала! – скривился какой-то дедушка в женском платье. Я посмотрела на него, понимая, что где-то сейчас должна негодовать какая-то бабушка: «Вот, ирод! Опять (в мое платье нацепил! Маразматик старый!».

– Еще бы! – огрызнулась я, осматривая роскошное, но мрачноватое убранство зала. «Куда, интересно знать, делась старенькая плитка – березка, и откуда, интересно знать, взялись эти экспонаты с выставки вышивального кружка?», – терзалась вопросом я, пока вокруг меня суетились холеные господа с натянутыми улыбками начальства. Эту улыбку узнает каждый бухгалтер перед камеральной проверкой, «родственник очень хорошего человека» при приеме на работу и студент, протягивающий купюру в зачетке.

– Ваше Высочество! – чьи-то руки пытались меня поднять и отряхнуть, пока я натягивала футболку пониже под холодный взгляд престарелого председателя клуба любителей сквозной вентиляции. – Кто посмел вас похитить? Скажите имя этого мерзавца, чтобы мы могли отрубить ему голову! Вас держали в темнице? Вас пытали?

– Пытались! – отмахнулась я, закрывая глаза и пытаюсь отогнать наваждение. – Чертов йогурт!

– Ах он мерзавец! Ах он подлец! – суетился толстяк с платком, округляя глаза и топая ногой с негодованием. – Йогурт! Как же мы сразу не догадались! Он всегда мечтал захватить престол! А тут такая возможность! Он собирает войско!

– Ага, бифидобактерий! – с усмешкой отозвалась я, потирая ушибленное колено и постанывая. Сейчас подоспеет подкрепление в виде эмульгаторов и красителей! Держись, желудок!

– Подлый Йогурт! Стража-а-а! – закричал бородатый, насупив брови, а в зал, лязгая доспехами, ввалилось человек пятнадцать настоящих рыцарей, в сверкающих доспехах. – Найти Йогурта! Живого или мертвого доставить во дворец! Выполнять приказ!

Ага, если что – на третьей полке в гипермаркете! Можете его обезглавить, только осторожно! Он проливается!

– Живой не берите, – скривилась я, чувствуя, как мстит мне проклятый злодей, разворачивая полномасштабную военную операцию в моем желудке. В борьбе за керамический трон побеждает умнейший, сильнейший и ловчейший. – Я, значит, его пожалела, хотя он уже был стареньким... Нет, ну выглядел он еще неплохо...

– Описать его сможете, Ваше Высочество? – пристал ко мне клуб ответственных потребителей, трясая меня за плечи. – Что вы помните?

– Примерно вот такой! Розоватый... Или, скорее, фиолетовый! – пожала плечами я, показывая размеры бутылки, а на меня смотрели так, словно очень старенькая дама решила написать пикантные мемуары. Приятно вспомнить, не с кем поделиться. – Но сам по себе такой... Мягкий... Это в руке чувствуется... Там еще две ягодки... На вкус, хочу сказать, так себе... Пробовала и лучше!

– Старый ублюдок! – выругался толстяк, воинственно глядя на дверь, словно прямо сейчас отправится бить морду производителю. – Я своими руками растерзаю его! Если нужно, мы бросим целую армию! Еще бы! Попытаться испортить нашу бесценную принцессу Эванжелину!

– Он успел? – пристал ко мне бородатый, держа меня за плечи. – Отвечайте, Ваше Высочество!

– Что успел? – удивилась я, вспоминая остатки йогурта в холодильнике, которые уже никуда не спешат в отличие от меня. – Я не понимаю, о чем вы?

– Слава Богам! – закатил глаза толстяк. – Мы успели раньше! Еще бы немного и наша дорогая, бесценная Эванжелина была бы испорчена! Еще бы! Она у нас такая красавица, что мы вынуждены ее прятать! Влюбляются в нее не на жизнь, а на смерть! Роковая женщина!

Я вспомнила свои зеленоватые волосы, понимая, что таки да! Любовь нечаянно нагрянет и до могилы доведет! Дедушка в бабушкином платье снова нахмурился и скривился, словно мы пили йогурт на брудершафт, но я оказалась проворнее и наглее, заняв стратегически важную точку с целью облегчить почку.

– Но мы все равно вынуждены доложить его Императорскому Величеству! – заметил старик, пока клуб любителей женского белья собирал какие-то мутноватые кристаллы и стирал мел с пола.

– Дитя мое, – как-то ласково и по-отчески заметил мужик с бородой, накидывая на мои плечи(, принесенный слугами плащ. – Вы – единственная наследница Эстергарда. Я никогда себе не прощу то, что произошло! Можете казнить меня! Я обещал вашему покойному батюшке, что буду присматривать за вами!

Мужик неожиданно упал передо мной на колени, целуя руку. На колени плюхнулся и лысый, и толстяк, отдуваясь и морщась. «И я... И я...» – причитали они, глядя провинившимися котятками, орошая мою самооценку комплиментами, а руку соплями.

Делегация любителей женской одежды молча удалилась. Судя по сумрачным лицам, они ожидали бурных оваций, но я была сдержанна в эмоциях. Как только дверь за ними закрылась, бородатый осмотрелся по сторонам, вставая с колен и уставился на меня:

– Ты что вообще такое? – подозрительно спросил он, пока другие окружили меня, глядя с дружелюбием нищей подруги, узнавшей, что у тебя в гардеробе появилась третья норковая шуба. Где-то дружно махали белыми платочками, провожая в бессрочный отпуск Вежливость. «Заходи к нам еще!», – улыбались Наглость, Подозрительность и Презрение.

– Эм... – я подняла брови, прикидывая с чего лучше начать. – Я – хомо, иногда даже сапиенс...

– Что будем с ней делать? – меня больно схватили за предплечье, с недоверием глядя на мои зеленые волосы и всматриваясь в мое лицо.

Театр «Любви и Обожания» отправился гастролировать в параллельную вселенную, а на меня смотрели, как на незаслуженного артиста.

– Куда теперь ее девать? – нервничал толстяк, оглядываясь по сторонам.

– Если что, – мрачно отозвалась я, протирая глаза и одергивая футболку. – Могу спрятаться за занавеской!

– Заткнись! – прошипел на меня толстяк, сузив пороссячи глазки. – И так все чуть не испортила! Вот угораздило тебя появиться не вовремя!

– Тише, господа! Это же наша драгоценная принцесса! – мужик с бородой нахмурился, изображая долгий и мучительный мыслительный процесс. – Она появилась как раз вовремя. Мы ее как бы коронуем, потом как бы выдадим замуж за Императора...

– И будем уже как бы особо приближенными к Императрице? – на меня снова посмотрели с явным интересом, потирая ручки. – Императрица имеет право на собственный двор... Это влияние, могущество, деньги...

На меня снова смотрели глазами лучших друзей, но я предпочла бы иметь сто рублей, глядя на столь внезапные перемены политических настроений.

– Слушай сюда, – меня снова дернули, подозрительно осматривая. – Будешь делать то, что мы тебе говорим! Ты поняла? Лишнее слово, непослушание – мы объявим тебя самозванкой и бросим в темницу, где ты проведешь остаток своих дней! Итак, ты – принцесса Эстергарда Эванжелина. Твой отец умер, а завтра ты выходишь замуж за его Императорское Величество!

Пока моя биография взывала к географии, пытаюсь понять, в каком классе я это пропустила, меня уже тащили за руку по мрачному коридору с плесневелой каменной кладкой. На стенах уютно расположился кружок «умелые ручки» в виде сотканых полотен, размалеванных гербов и еще какой-то дребедени, а я с каждой секундой мечтала открыть кружок «Умелые ножи» и исчезнуть отсюда подобру-поздорову.

– Слушай внимательно! Тебя зовут Эванжелина! Запомни! – твердили мне, пока я пыталась вырваться и сбежать.

– Так, я завтра собиралась на работу, а не замуж! – возмущалась я, чувствуя босыми ногами холод каменных плит, по которым неуверенно шлепала, подгоняемая эскортом. – Я вообще замуж не планировала! У меня родственники не оповещены! Так, граждане, успокойтесь!

Так и хотелось заорать, что хулиганы девственности лишают, но мне зажали рот.

– Тише! – прошипели мне, увлекая по лестнице вверх и впахивая в гостеприимно открытую дверь, которая тут же гостеприимно хлопнула и очень радушно закрылась на ключ.

– Я хочу выйти! – орала я, чувствуя запах пыли и сырости, которыми веяло из мрачной комнаты в стиле Вампир.

– Ничего, завтра выйдешь замуж! – утешили меня.

– Хорошо! Я хочу сойти! – не унималась я, пиная дверь.

– Завтра сойдешь за принцессу! – обрадовали мою самооценочку.

– Я хочу, чтобы меня выпустили! – прохныкала я, понимая, что в ответ на такой радушный прием не мешало бы выучить пару хороших приемов самообороны.

– Выпустят тебя из родительского дома и даже благословят! – насмешливо ответили мне, а я слышала, как кто-то уронил ключ на пол.

Я выругалась, возмущенно сопя, а потом вспомнила, что это – всего лишь сон, улыбнулась своему отражению в огромном пыльном зеркале, провела рукой по старинному столу, понимая, что тут уже не уборщица – тут археолог нужен, а потом брезгливо подошла к огромной пыльной кровати. Неподалеку от кровати стоял унылый ушат для лягушат, а из-под кровати игриво выглядывал ночной горшок, похожий на ту огромную кружку, которую мне подавали на новый год, как бы намекая на то, что в новом году мне предстоит не только хлебнуть, но и расхлебывать!

Содрав покрывало и перевернув подушку, ужасаясь отпечатку чьей-то давно немойтой головы, я отряхнула покрывало и упала на кровать. Стоило мне только задремать, в надежде обнаружить себя в своей кровати, или хотя бы с шашкой наголо ... ой! С шишкой на голове на белом стареньком коне, как вдруг послышался топот и голоса.

– Вот она! Хватайте ее! – меня тут же стянули с кровати, поволокли в какую – то бадью, полоща в четыре руки, как котенка в центрифуге.

– Потерпите, Ваше Высочество! – заметил низкий, грудной женский голос. – Вы же хотите быть самой красивой на свадьбе!

У меня складывалось ощущение, что в данный момент отмывают не меня, а чьи-то деньги. К моей нежной коже устремилась лохматая щетка, способная по степени загрязнения посоперничать со стареньким туалетным ершиком. Едкое и вонючее мыло застилало глаза, заставляя кашлять. Если в этом спа-салоне «Принцесса» и есть жалобная книга, то будьте – так любезны, заверните!

– Красавицей будете! – добродушно заметила толстая тетка, поливая меня кипятком. – Просто незабываемой девушкой!

– Незабываемой! – сопротивлялась я, чувствуя, как меня купают прямо в одежде.

– И мерки мы снимем! – успокаивала тетка, неся в полных руках кипятков, намекающий, что мерки придется снимать уже посмертно.

– Трусы и футболку снимите сначала, а потом уже ме..., – договорить я не успела, как на меня опрокинули еще ведро.

– Ну вот! Совсем другое дело! – порадовали меня, растирая таким полотенцем, от которого хотелось попроситься ударником в ансамбль «Блохи». – Красотулячка! Императрица! Сейчас мы тебе личико натрем, чтобы еще красивше быть!

Мне на лицо ляпнули комок какой-то едкой грязи, щедро размазывая его по всей поверхности.

– Нет лучшего средства для отбеливания кожи, травы вперемешку с целебной грязью! – порадовал меня салон красоты «Вычтотворите!».

– А можно хоть жениха посмотреть? – скривилась я, пытаюсь смыть с себя народное средство природного происхождения. – Для кого я эту гадость на лице держу?

Через минуту в мою комнату учтиво внесли огромный портрет такого красавца мужчины, что я на секунду даже забыла, от чего отплеываюсь. Красивые русые волосы струились по широченным плечам, мужественное лицо с горделивой усмешкой, роскошная одежда способны были произвести впечатление на любую женщину. Я усмехнулась, с горечью понимая, что, скорее всего, проснусь под одним одеялом с бледной немощью, у которой постоянно мерзнут ноги, но пока что сон продолжался.

– Мы приносим свои глубочайшие извинения, Ваше Высочество, – подобострастно поклонился бородатый, приторно улыбаясь. – Наше поведение было продиктовано заботой о вас! Смерть нашего достопочтенного государя подкосила нас, поэтому мы ни в коем случае не хотим вас потерять! Любой ваш каприз будет исполнен, любое ваше желание – закон для нас!

Я смотрела на портрет, пытаюсь найти хоть один изъян, но даже наметанный женский глаз не мог зацепиться за какую-нибудь деталь, чтобы выдать придирчивое «Фэ!».

– Его Императорское Величество объединил разрозненные земли, создал величайшую Империю! О его подвигах слагают легенды! – вмешался толстяк, пока я недоверчиво смотрела на будущего «мужа». – Со всех земель к нему прислали портреты принцесс, но его взор пал на вас и на наше скромное королевство!

Я посмотрела на себя в зеркало, пока с меня смывали «маску», пытаюсь понять, что он во мне нашел? «Природа не оставила улик красоты, дорогой Ватсон!», – послышался скрипучий голос Шерлока Холмса. «Друг мой, давай сбегает за лупой!», – ответил Ватсон, присматриваясь ко мне. «Нет, я так еще не бегал!», – обронил Шерлок, пока я смывала с лица «целебную маску».

– Он прислал вам свой портрет и послание, в котором заверяет вас в самой пылкой любви! – сообщили мне, пока я украдкой поглядывала на красавца. – Завтра утром он прибудет сюда, чтобы сочетаться с вами законным браком. По традиции свадьба проходит в королевстве супруги, а потом ее увозят в столицу Империи.

– Тут прическа никак не получится! – пожалала плечами служанка, перекладывая мои коротенькие волосы.

– А мы бантик прицепим! И побольше! – предложил толстяк. – Принцессы любят бантики, не так ли?

– Там все равно корона будет! – высморкался лысый, пока на меня натягивали какое-то старинное платье. – Не нужно ничего мудрить! Мы ее быстренько коронуем! Народ уже собирается под стенами замка, чтобы взглянуть на нашу красавицу!

Вот это сон! Меня запихнули в белое платье, разрисовали, как матрешку, а потом повели по тем же мрачным коридорам, чтобы торжественно вытолкать на большой балкон.

– Граждане Эстергарда! – зычно заметил бородатый, а я смотрела на приутихшую публику. – На смертном одре Его Величество поведало тайну о том, что у него есть дочь и повелел разыскать ее! Мы тот час же выполнили приказ, поэтому трон Эстергарда не опустеет! Позвольте вам представить ее высочество, принцессу Эванжелину – будущую Императрицу!

– Ура-а-а! – кричало целое море людей под балконом. – Да здравствует принцесса Эван-желина! Да здравствует будущая Императрица!

Я дружелюбно помахала им рукой и послала воздушный поцелуй, а заодно и тех, кто шептал позади меня, что это – верх неприличия!

Мое имя скандировали, а я наслаждалась своим чудесным сном и минутой славы!

– Его Императорское Величество послал гонца и сообщил, что прибудет в течение часа! А также выразил недовольство нашими дорогами! – усмехнулся бородатый, разворачивая послание.

– А кто у нас ответственный за дороги? – поинтересовалась я, поглядывая на свою свиту, читающую свиток.

– Эм... А еще он признается в вечной любви к вам! – тут же улыбнулись мне, пытаюсь спрятать послание.

– Дайте почитать! – настаивала я, а министры переглянулись.

– Не зачем портить зрение столь скучным чтивом, дорогая принцесса! – улыбались мне приторными, как мед в сиропе улыбками. – Столь скучный и официальный документ – не самое лучше чтиво для столь юной и очаровательной особы!

– Послание! – я протянула руку, чувствуя, как по моим губам ползет улыбка. – Стража! Слушать свою принцессу! Если мне немедленно не отдадут документ, то...

– Вот, ваше высочество! – занервничали министры, протягивая мне бумаги, которые я тут же развернула.

– И где здесь о любви? А? – поинтересовалась я, нехорошим взглядом глядя на бумагу. – Про дороги вижу, про нищету – вижу, про задворки империи – вижу, а про любовь что-то нет!

– Там любовь сквозит в каждой строчке! – нашелся бородатый, глядя на меня с улыбкой. – В каждой точке и запятой!

– Судя по отсутствию большинства оных, меня недолюбливают! – заметила я, возвращая послание.

И тут дверь распахнулась, продудели трубы, едва не оглушив меня, а с улицы под радостные крики: «Император!» ввалилась целая делегация. Министры вытянулись в по стойке смирно, успев усадить меня на продавленную подушку трона.

Толпа разодетых придворных ввалилась в полупустой зал.

– А почему с нашей стороны никого нет? – поинтересовалась я. – Где наши придворные?

– Есть придворные! – заметил бородатый. – Так вот, придворные находятся там, где им полагаются. При дворе. Покойный король их всех казнил, подозревая в измене! Их прямо и закопали при дворе!

Я представила, как орет лысый и бородатый мужик, что не изменял, причем, не жене, а королю, но тот качает головой, мол, «Не верю!».

– Его Величество, Император объединенных земель Сигизмунд Первый! – торжественно выкрикнул какой-то молодой человек, пока всех прижало в поклонах и реверансах. Сначала на пороге появился вооруженный отряд, плотной кучкой двигаясь в нашу сторону. Я закусила губу, предвкушая незабываемую встречу, как вдруг телохранители расступились, и мне навстречу шагнул сгорбленный старик. Я почувствовала себя ослепительной женщиной, ибо старик стал щуриться в мою сторону. Мутный блин передает тебе привет! Мутный блинчик может помахать тебе ручкой.

– Красавица, – прошамкал роскошно одетый дедушка, трясаясь передо мной. «Давайте разделимся! Мы на разведку, а ты – Длинный, Седой и Третий – останетесь прикрывать Лысину! Держитесь, ребята!», – прозвучало пару десятилетий тому назад. Ко мне потянулась костлявая рука, унизанная перстнями. – Ну, здравствуй, любовь моя!

Что-то мне подсказывало, что любовь сродни инфаркту. В данный момент статистика смертности от инфаркта среди людей до тридцати пяти, стала присматриваться ко мне.

– Моя будущая супруга! – снова прошамкал дед, глядя на первого министра, кашляя так, словно «будущая вдова». – Ты просто ослепительна! Твои роскошные кудри свели меня с ума!

Это – не кудри, это маразм. Я вспомнила портрет, понимая, что нужно было сразу уточнить дату. Причем не только год, но и век!

– Свадьбу сыграем немедленно! – прошамкал дедушка, пытаясь понять мое точное местонахождение, но пока что его «любовью» наслаждался бородатый. – Недурна! Ой, недурна! Я рассчитываю, что у нас с тобой будет наследник!

– Подследник! – сглотнула я, глядя, как старикан лезет целовать руку первому министру с требованием родить ему сына. Ни пособие, ни пенсия венценосного дедушки первого министра не прельщала, поэтому он учтиво нацелил «голубой огонек страсти и старости» в верном, так сказать, направлении.

Если где-то есть шапка-невидимка, то мне сейчас срочно нужна шапка-недадимка... нас... в обиду! Я нервно оглядывалась по сторонам, понимая, что жених с истекшим сроком годности вызывает у меня примерно ту же реакцию, как и злосчастный йогурт.

– Я умираю от страсти! – шамкает старичок, протягивая ко мне холодную руку. – Желаю свадьбу! Немедленно!

Какая свадьба? О чем это вы? Но старик Хоттабыч не унимался, почесывая жиденькую бороденку. Видимо, желаний он исполнил уже предостаточно, но я как-то больше склонялась к доброй фее.

– А пока все готовятся к церемонии, – заметил дед, – Расскажи мне, красавица, о себе!

– О! Ваше Величество! – смахнул скупую слезу толстяк. – Это очень грустная история! Как только наша принцесса появилась на свет, ее прокляли!

– Какой у тебя приятный голосок, милочка! – умилился Император. – Просто нежный, как у птички! Продолжай, дитя мое!

– Принцессу прокляли..., – повторил толстяк, увернувшись от поцелуя руки и сделав шаг назад.

– Да, проказа – это скорее проклятие, чем награда! – горестно вздохнула я, расчесывая руки. – Но ничего! Чешется, значит, еще не отпало! Кашляю, значит, дышу! Все в порядке! Мне сказали, что до свадьбы заживет!

– Для того, чтобы снять проклятие, мы отдали ее на воспитание волкам! – продолжил бородатый, искоса глядя на меня.

– С волками было вполне неплохо! Если бы не блохи, то вообще бы замечательно! Никак не могу от них избавиться! – ядовито заметила я, снова почесываясь.

– У нашей принцессы – хорошее образование! – вставил лысый. – Что является очень важным качеством для будущей Императрицы!

– Да, помню-помню, как волки собрались всей стаей и спросили меня: «Куда поступать будешь? В политех или в ин.яз?». Вопрос застал меня врасплох. Вожак стаи, Акелла, сказал, что я – гуманитарий, так что политех отменяется! А вот в ин.яз слишком дорого! А потом они повыли на луну, и решили, что лучше в медицинский! На санитара – леса! – зевнула я, гаденько улыбаясь.

– Потом, ее подобрал добрый дровосек и удочерил ее! – продолжил бородатый, утирая скупую слезу.

– Помню-помню, как лес валила! – вставила я, откидываясь на спинку. – Я еще помню, как мы всей семьей песенки пели: «Гоп-стоп! Мы подошли из-за угла! Гоп-стоп! Ты кошелечек отдала!». У меня еще татуировка есть!

– Но добрый дровосек скоро скончался, – горестно закивал толстяк, прищуриваясь в мою сторону.

– Еще бы! Рудники – не лес! Я ему говорила, мол, не надо бежать, а он мне: «Прорвемся!», – согласилась я, украдкой щипая себя. В этот момент противный звон будильника

казался мне райской музыкой, а ненавистная работа, эксплуатирующая меня и в хвост и в гриву – курортом!

– Но мы за ней наблюдали! – вдруг заметил бородач. – Все это время мы внимательно следили за ней!

– Так это вас я в кустах видела? Ай-я-яй! – всплеснула руками я, кусая губы. – Помню, помню! Куда ни плюнь – вы утираетесь!

– Потом ее отдали в семью сапожника! – продолжил сказку толстяк, сердито глядя на меня. – Он был добр к ней!

– Ага, когда напьется! – согласился я. – Там я научилась отшивать настырных мужиков...

– Что-что? – переспросил Император, а ему принесли нечто похожее на патефонный усилитель.

– Вышивать! – ласково заметил толстяк, награждая меня нехорошим взглядом. – Там она научилась вышивать! Из пустырных цветков! Узор у нее такой любимый! У нашей принцессы очень много талантов! О! Как она шьет!

– Уголовные дела! – я подперла руку кулачком, умоляя чертов будильник поскорее поднимать меня на работу. – За незаконный принцессооборот!

– И готовить она умеет! – закивал лысый.

– Все, кто пробовали – не жаловались! Еще бы! Лежат себе тихо под мраморными плитами! – улыбнулась я, не желая замуж.

– Какая молодец! – восхитился Император.

– Однажды ее похитил дракон! – вставил пять копеек бородач, поглядывая на меня, как на врага народа.

– Долго плевался! Можете лично спросить! – согласилась я, щипая себя изо всех сил и тряся головой. – Когда же кончится этот сон?

– Стон, Ваше Величество! Стон! Стонала она бедная, ждала вас, томилась! И дождалась! – тут же крикнул в трубку от граммофона бородач.

– Я хочу проснуться! – я терла глаза, пытаясь отогнать это Версаль подальше в историю!

– Она мечтает каждое утро просыпаться вместе с вами! – сладенько заметил толстяк. – Спит и видит!

– Ну раз так, – благодушно заметил император, трясясь, как Кощей Бессмертный. – Несите корону! Быстрее начинайте церемонию! Я просто сгораю от страсти!

Появился слуга, неся сразу две короны с такой торжественностью на лице, которой позавидовал бы любой человек – праздник! Меня стащили с трона, установив рядом со стариком и придерживая.

– Просто наша дорогая принцесса еще до конца не отошла от смерти любимого батюшки! – пояснил бородач, улыбаясь Императору. Зато теперь я знаю острое народное средство от всех печалей и недугов. Да-да, именно то самое, которое уперлось мне в спину.

В центре зала появился тот самый противный дедушка. На этот раз бабушка не досчиталась золотого платья, проклиная тот день, когда вышла замуж за извращенца. Перед ним в воздухе зависла огромная старинная книга.

– В этот день, во славу Империи, мы собрались здесь, чтобы связать узами счастливого брака его Величество ..., – я выгнулась, чтобы не чувствовать брачный приговор, который неприятно колет меня в спину. – ... с Эванжелиной, принцессой Эстергарда, дочерью покойного короля Эвона...

Ага, у вас товар, у нас – капец!

– Согласны ли вы, Ваше Величество, взять в законные жены принцессу Эстергарда? – спросил дед, перелистывая замызганную страницу.

Так, я что-то не поняла? А меня почему не спросили? Может я и тварь дрожащая, но права имею! Но, судя по всему, пока что местное право медленно и эротично снимало с меня всю надежду и ответственность.

– Властью, данной мне Империей, пусть долгими будут века ее процветания, да не иссякнут ресурсы и недра, да не умолкнет слава ее вовек, объявляю вас супругами! Да будут узы, связывающие вас, нерушимы, как брачный обет, да пребудет с вами благоденствие и могущество, да дадут вам боги детей и побольше! Пусть весь народ убедится в том, что отныне Эванжелина – новая Императрица!

Из книги выскользнула голубая змея, схватив меня за запястье и притягивая мою руку к дрожащей руке Императора похлеще наручника.

– Покуда смерть не разлучит вас навек! – прозвучала последняя фраза, пока я дергала руку, пытаюсь вырвать ее из уз Гименея. – Испейте же чашу любви до дна! Отныне вы муж и жена!

Император взял в руки кубок, который тут же учтиво поднесли на золотом подносе, и сделал глоток, протягивая кубок мне. Я внимательно понюхала, пытаюсь понять, чем пахнет большая любовь. Хм... Большая любовь пахла сорока градусами и кислотинкой. Осмотревшись по сторонам, я скривилась и... услышала стон рядом.

– Ы-ы-ы! А-а-а-а! – хватался за грудь мой супруг, закатывая глаза. Через мгновение он рухнул вниз, сдирая с меня юбку костлявой рукой.

– Ваше Величество! – бросились к нему, пока я пыталась отойти подальше. – Ваше... Император.... Император мертв! Долгих лет жизни Императору!

Глава третья. Гуляй, шальная... А лучше – вальсом!

Пеньюар Императрицы повидал
немало на своем веку,
И альфонсы вереницей
навевают на нее теперь... тоску!

Мне еще повезло, ибо один скромный Император в треуголке скончался прямо на Святой Елене. Правда, о том, что это был остров, уже мало кому интересно... Если где-то и звонил будильник, то явно не про мои уши. Так что пока строгое начальство нервно набирало мой номер, я смотрела, с каким рвением пытаются предать земле тело и анафеме безвестного убийцу.

– Был такой древний обычай! – поднял вверх палец старик в женском наряде, поглядывая на меня. – Покойного Императора хоронили вместе с супругой! Чтобы на том свете влюбленные были вместе. Императрица могла взять на тот свет самое дорогое, что у нее есть!

Идею горячо поддержали все присутствующие, а я протерла ореол святой мученицы и подружила его на место.

– Дорогие мои! – улыбнулась я, поглядывая на любителей романтических хэппи-энд. – Вы мне так дороги, что, когда я смотрю на ваши ценники, меня начинает трусить мелкой дрожью жадности! Для меня нет никого дороже вас, хотя я знаю вас каких-то жалких полчаса! Как только я увидела всех вас, то поняла, что жить без вас не могу! Будьте так любезны, исполните мою последнюю просьбу! Похороните меня вместе с горячо любимым супругом и этими славными, милыми и добрыми людьми!

Я чуть не уронила скупую слезу, глядя, как меняются лица. Романтический хэппи энд показался уже не таким романтичным в свете массовых похорон, поэтому я трогательно улыбнулась, глядя на посмурневшие, но очень дорогие лица.

– Есть еще обычай, что после смерти Императора, его безутешная вдова добровольно принимает свою участь, требуя построить самую высокую башню и замуровать в нее вход! Она имеет право на последнее желание! – заметил старик, нехорошо поглядывая на меня.

– Какая замечательная традиция! Я поддерживаю ее всеми руками! И у меня даже есть последнее желание! – я скорбно опустила глаза. – Хочу, чтобы эту башню, как знак моей безмерной скорби, строили все, кто присутствуют в этом зале, а я командовала работами! Без магии, разумеется! Вот вы, молодой человек с пилочкой для ногтей? Будете главным каменщиком! Будете этой пилочкой пилить камушки! А вы, красавица, будете носить ведра с раствором на самый верх! А вы...

Я посмотрела на немолодую даму, у которой дергался глаз.

– Вы идеально подойдете для того, чтобы таскать огромные камни наверх! – улыбнулась я, нежно глядя на побледневшие лица инициаторов. – Поверьте, я для каждого найду занятие! А трупы тех, кто не соблюдал технику безопасности, мы будем замуровывать в башню, чтобы крепче держалась! А вы, distinguished...

Мой взгляд упал на старика в женском наряде.

– В знак нашей великой скорби и дани традициям, будете лично носить не по десять камней, а по двадцать! Я по глазам вижу, насколько сильна ваша скорбь! Так, кто из вас боится высоты? Не стесняйтесь, нам нужны хорошие кровельщики! Давайте приступим немедленно! Чем быстрее мы приступим, тем быстрее построим! – я поджала губы, делая самое грустное лицо. – Мне не терпится отдать дань традиции и показать силу своей любви моему покойному супругу.

Пока традиция потирала ручки в предвкушении дани, присутствующие в зале, притихли и занервничали, не желая превращаться в строительный отряд особого назначения.

– Ну что же вы? – спросила я, нежно глядя на сумрачные лица. – Неужели вам ничуть не дорог мой покойный супруг? Неужели вы не согласны оказать ему последние почести?

Я многообещающе улыбнулась, ощупывая руками роскошную корону, понимая, что судьба в кое-то веки решила мне улыбнуться широкой, как мои новые полномочия, улыбкой.

– Не забывайте, что мы всегда можем сказать о том, что вы – самозванка, – прошептал бородатый, воровато оглядываясь. – Так что давайте дружить...

– Вы какую дружбу предпочитаете? Детскую наивную или взрослую меркантильную? – прошептала я, с грустью понимая, что в мире есть много людей, думать о которых в прошедшем времени, куда приятней, чем в настоящем и будущем. – Начинайте, а я, если что, продолжу!

– Есть еще одна традиция! – снова начал старик, а на него посмотрели очень нехорошими взглядами, мол, молчи! – На похоронах Императора Императрица добровольно принимает чашу скорби, чтобы соединиться со своим возлюбленным в лучшем из миров!

– Несите ее прямо сейчас! – нервно воскликнула я, протягивая руку. – Каждый, кто был верен его величеству, каждый, кто скорбит о нем, каждый, чье горе не измерить словами, должен сделать глоток и разделить со мной мое горе! Вы же только что говорили, что готовы разделить со мной мое безмерное горе?

– Мы не будем пить! Это для Императрицы! – закричал какой-то напыщенный мужик, почесывая лохматые бакенбарды.

– Значит, никто из присутствующих в этом зале не был верен Императору и Империи? Значит, каждый из вас – предатель? – наиграно испугалась я. – Не может быть! Это же государственная измена!

– Да! Как вы посмели! – поддакнул бородатый, нахмурившись. – Неужели в этом зале одни изменники?

– О, смотрите-ка! – шепотом усмехнулась я, немного отклоняясь назад. – У вас уже получается! Продолжайте в том же духе! Еще немного, еще чуть-чуть, и я буду даже здороваться с вами на улице!

В итоге постановили похоронить Императора скромненько, но со вкусом!

– Я – маг Азин! Великий магистр магии, находящийся на службе у Императора! Я – первый советник Его Покойного Величества, – горделиво заметил старец. – Требую соблюдения традиции о добровольном отречении вдовствующей и бездетной Императрицы от престола! Она может взять любую вещь покойного мужа, которая была ему дорога, чтобы остаток дней провести в слезах и скорби! Если у Императрицы есть дети, которые не являются законными наследниками, они остаются вместе с матерью!

Я встала, чувствуя, что битва за удобный стульчик и красивую шапочку еще не проиграна.

– Дорогие мои! – я прижала руки к груди. – Ребенок – это то, во что вкладывали душу, растили его, преумножали его внутренний мир, вы согласны?

– Да! – согласились со мной.

– Может ли Империя наследовать сама себя? – уточнила я, слыша желанное «Нет!».

– Империя не может наследовать сама себя, так что наследником она не считается! Но она детище моего покойного мужа. Так что отречься от нее я никак не могу! – развела я руками. – Как бы я этого ни хотела!

Кладезь народной мудрости иссяк, поэтому я снова присела на трон, одаривая всех присутствующих нехорошей улыбкой.

– Все документы о положении дел в Империи мне на ... эм... престол! – потребовала я, расправляя плечи. – Все статьи расходов, доходов и так далее... Мне нужна все информация о том, как обстоят дела в Империи. С кем воюем, кого недолюбливаем, с кем заключали союзы! А также имена и регалии всех приближенных! На всякий случай!

– Вы что? Собрались самолично править Империей? – поперхнулся «универсам». – В обязанности Императрицы входят три слова «готовь, молись, рожай!».

– Вот и замечательно! – потеряла я ручки, предвкушая пятилетки, целину и много-много других увлекательных мер. – Готовь бюджет, молись на экономику, рожай законопроекты! Все правильно! Я бы и сама лучше не придумала!

– По закону Империи женщина не имеет прав на престол. Императрица всегда при Императоре! – воскликнул маг. – Императрица не играет роли в государственном управлении! Женский мозг устроен иначе, чем мужской! – Это научно подтвержденный факт! Он не в силах запомнить элементарных вещей!

– Но вас-то я запомнила, – многообещающе усмехнулась я.

– Править Империей должна особа мужского пола! – топнул ногой старик.

– А женский потолок вас чем не устраивает? – поинтересовалась я, поднимая брови. – Единственная разница между вами и мной заключается в том, что я ограничиваюсь рукой, если вдруг начинаю стучать по столу.

В меня ткнули материализовавшимся в воздухе пергаментом «Свод нерушимых законов Империи», торжественно разворачивая его перед моим любопытным носом.

– Вот!!! – мне указали пальцем на слово «Императрица». – Она не имеет никаких полномочий! Ни издавать указы, ни казнить, ни миловать, ни даже взимать налоги с вассалов! Императрица является собственностью Императора! Где тут документы! Вот! Смотрите! Гарнитур из геверийского дерева – одна штука, элентрийские кони – десять штук, императрица – глаза серые, волосы зеленые – одна штука! Мы уже вписали вас в имущественную книгу Его Величества!

– А я, простите, движимое или недвижимое имущество, господин... универсам? – уточнила я, глядя на целый талмуд, который появился в руке.

– Вы вписаны, как движимое имущество! – порадовал меня «бутик», звеня драгоценностями. – Когда вас парализует, или заключат в темницу, то тогда вы будете недвижимым имуществом.

Где-то всплакнуло агентство недвижимости, вывешивая объявление: «Продается башня, принцесса в подарок!».

– Есть традиция, ставшая законом! – внезапно заметил бородатый, пока присутствующие заметно нервничали. – И я удивляюсь, что вы о ней не упомянули! Вдовствующая Императрица имеет право самолично выбрать нового Императора из особ королевских кровей! Она имеет право созвать во дворец всех неженатых и вдовствующих принцев и королей, чтобы выбрать из них будущего Императора, который станет ее законным мужем! Сообщите всем, что Императрица ждет портреты во дворце завтра поутру!

Приятно быть вдовой очень законотворческого человека! У косоглазого султана и гарем в два раза больше!

– О, нет! – покачала головой я, вспоминая все прелести средневекового фотошопа. – Пусть лично являются сюда! Никаких портретов! Я же имею право выбора? Помните, что от моего выбора зависит судьба Империи!

Гуляй, шальная, Императрица! Гуляй вальсом! Дорогие потомки, зевающие на уроках истории! Благодаря местным законам, мои достижения ограничатся не целой системой реформ, а одним предложением. Предложением руки и сердца.

– Другого выхода нет, – прошептали мне, после того, как я торжественно отправилась «скорбеть». – Императрица действительно не имеет никаких полномочий, кроме как выбрать нового Императора. Это – ваш единственный шанс удержать престол. Если ни один из кандидатов вас не устроит, то тогда у вас есть шанс править единолично...

Я захлопнула дверь в свои покои, требуя оставить меня в покое. Где-то одна небольшая юридическая контора не досчиталась одного скромного юриста, а я лежала, свернувшись кала-

чиком на пыльном покрывале, понимая, что теперь моя судьба зависит от моего решения. В малодушном порыве я поймала себя на мысли, а не попросить ли того «универмага» вернуть меня обратно, вкратце описав ему сложившуюся ситуацию, но сравнивая убогую квартирку и роскошный дворец, я склонялась к дворцу.

– Если что, вернуться я всегда успею! – прошептала я, терзая подушку и мысленно выбирая критерии будущего мужа. Пока женская сущность подсказывала мне что-то в стиле: «Высокий, красивый, умный», инстинкт самосохранения нашептывал, что вполне сойдет умственно-отсталый сирота, подкаблучник, с легкой степенью олигофрении и проблемами с алкоголем. Тот же подлый инстинкт твердил мне, что после сегодняшнего дебюта(, первая брачная ночь вполне может стать первой мрачной, если любители «и умерли они в один день», решат проявить инициативу. Мало ли, вдруг какой-нибудь Купидон, правда, не с луком и стрелами, а с ножом в руках, решит воссоединить влюблённых?

В комнате становилось темно, а я боролась с урчащим от голода желудком, поглядывая на золотой поднос с едой и со сном, бросая взгляды на роскошные подушки. Через пару минут, я молча содрала покрывало, взяла подушку и полезла под кровать, выбросив часть еды в окно. На кровати мирно спали подушки и скомканное одеяло, а я, ежась от холода, крутилась на холодном полу.

Разбудил меня топот ног и крики: «Императрица пропала!», а чуть не ударилась головой о деревянное днище кровати.

– Да нет, – зевнула я, выползая из-под кровати и обнюхивая себя. – Подгуляла – да, но пропасть – вряд ли!

Подушки и одеяло были разодраны в клочья, а я выдохнула с облегчением, глядя на раскуроченную постель. Кто не спрятался, тот не виноват!

– Быстрее! Женихи прибыли! Они, как только узнали, сразу же устремились сюда! – бегали вокруг меня служанки, натягивая на меня траурное платье с огромным, как капюшон у кобры, воротником – кружевом. Сверху на голову мне нахлобучили корону, а потом дружно вытолкали в зал. В зале яблоку некуда было упасть, а я чуть не окосела от запахов парфюма и вспотевших тел. На секунду мне показалось, что передо мной стоят не только принцы, но и их носки. Едва завидев, меня, они бросились признаваться мне в любви с первого взгляда, уверять в безграничной преданности и посылать воздушные поцелуи, в надежде, что любовь передается воздушно-капельным на мозги путем.

– Здравствуйте, алчные и амбициозные альфонсы! – улыбнулась я, глядя на десятки вспотевших лиц. – Как мило, что вы не остались в стороне, пользуясь тем, что свято место опустело!

– Вы просто ослепительны! – выкрикнул кто-то из задних рядов, не обращая внимания на мою проникновенную речь.

– О, нет, это – не я! Это всего лишь корона, на которую вы положили глаз! – пожала плечами я, усаживаясь на трон. – Ну что ж! Приступим!

В голове зрел коварный план, заставляющий меня гаденько улыбаться всем присутствующим. Выбрать я должна, но вот срок нигде не уточнялся, так что все вполне честно. А если станет понятно, что я неплохо разбираюсь в государственных делах, то вполне возможно, мне удастся отвоевать свое право на престол.

– Встаньте в рядочек, чтобы вас было лучше видно! – потребовала я, вальяжно расположившись на троне. – Граждане наряжающие, заряжающие и провожающие! Просьба покинуть зал!

Часть публики удалилось, а принцы выстроились в ряд, выпячивая грудь.

– Итак, первый у нас кто? – снова улыбнулась я, откинувшись на спинку трона.

– Младший сын короля Олана Пятого, Олан Десятый... – торжественно начал принц, которому впору выдать сапоги и пинком отравить на болота. Луком он уже обзавелся, причем в количествах, приравнивающих его поцелуй к оружию массового поражения.

– Очень приятно! – улыбнулась я, понимая, что боюсь даже дышать в сторону этого сокровища.

– О! Вы так прекрасны, что у меня дух захватывает! – сопел в мою сторону принц. – Я никогда не видел такой красивой женщины! Поверьте, корона Императора меня не интересует! Я влюбился в вас с первого взгляда!

Любовь, которая длится уже целую минуту, меня смущала.

– Будьте моей женой – принц упал на колени, протягивая ко мне руку. – Я пленен вашей красотой!

– Будем организовывать обмен пленными! Моя красота возвращает вас обратно другим красавицам, а вы возвращаете мои нервные клеточки! – с отвращением ответила я, пытаюсь увернуться от настырного поцелуя с запахом лука и бекона. Не то, чтобы я предпочитаю сметану и зелень, но курица с чесноком тоже не приветствуются!

– Вам следует, – прошептали мне в дружеском порыве, склоняясь пониже. , – быть более внимательными в своем выборе. Любой неаргументированный отказ – это дипломатический скандал!

– Тут драконы поблизости есть? – уныло поинтересовалась я, поглядывая на присутствующих. Мне так и не ответили. Ну что ж!

– О! Я бы сравнил вас со звездой! – прошептало «горе луковое», подбираясь все ближе ко мне.

– Как вы посмели!!! – нахмурилась я, изображая вселенскую обиду. – Вы что? Намереваетесь на то, что ночью я красивая, а днем меня не видно? Ах, вы только что нанесли мне непоправимое оскорбление!

– Простите, простите, – умолял принц, но я покачала головой. – Я готов на все, чтобы загладить свою неловкость! Мне так жаль...

На ступенях уже стоял темноволосый мужчина в короне, шепча о том, что если бы был поэтом, то сравнил бы меня с горным ручьем.

– Вы хотите сказать, что я теку при виде вас? – я подняла бровь. – Как неприлично! Это же оскорбление!

Брюнет покрылся испариной, глядя на меня и заметно нервничая.

– Простите, я не хотел! Просто, мне показалось, что это – поэтичное сравнение... Ваш голос, как ручей... Журчит...

– Ах, вот теперь я точно расстроилась, – я даже закрыла глаза и покачала головой. – Неужели у меня дефекты речи? Я что? Журчу? В ночной горшок журчат! Какой ужас!

Брюнет уступил место следующему, умоляя простить меня, но я была неумолима.

– Я влюбился в вас с первого взгляда, – воскликнул subtilный принц лет шестнадцати. – Ваша красота подобна цветку!

– То есть, такая же мимолетная? – я подняла брови. – Неужели я уже вяну? Какой кошмар! Зеркало! Срочно! Это просто ужасно! Мне срочно нужно проверить свои лепестки!

Выносить мозг вперед мозжечком – любимая женская забава. Если этот номер не пройдет, то следующим будет конкурс загадок: «Угадай, на что я обиделась!».

– Я не... я ... Простите великодушно, – упал на колени принц, глядя на меня с мольбой. – Я просто... Ради богов, простите! Я не хотел нанести вам оскорбление! Умоляю! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы загладить свою вину! Просто цветы ... они... они... очень красивые...

Как ни странно, но зеркальце мне принесли. Я посмотрелась на свое ненакрашенное лицо, короткую стрижку с легкой зеленцой, усталый взгляд, и вернула зеркало, чувствуя прилив пессимизма.

– Вы подобны облаку! – стоял на коленях передо мной крепкий мужик. – Неуловимая, нежная и недостижимая, как мечта!

– Хотите сказать, – я прищурилась, делая театральную паузу, а потом снова глядя на неровный пробор темных волос, вспоминая новый год и первый снег. Снег падал при каждом поклоне, а я подняла глаза к своду зала. – Я толстая и много вешу?

– Наоборот! – спохватился принц, трясая первым снегом на ступени. – Я хотел сказать, что вы ... очень нежная и легкая... эм... и изящная!

– А вы знаете, сколько весит облако? – поинтересовалась я, и тут же отправила его взвешивать. – Вот взвесите – расскажете! Учите матчасть!

Следующий? Да сколько их тут? Раз, два, три... Вон там еще стоит мрачный тип в капюшоне! Пять? Всего лишь? Пять человек отделяют меня от престола!

– Вы(, – как алмаз! – шептал мне бородатый кандидат с голубыми глазами, эдакий добряк, поправляя корону. – Сверкающий и прекрасный!

– Хотите сказать, что меня вынули из каких-то недр... Можно сказать, откопали... – нахмурилась я, осматриваясь по сторонам. – Что вы себе позволяете? Как вы смеете сравнивать меня с каким-то доисторическим камнем, который достали из какой-то дыры! Я не переживу такого! Я – ста-а-арая! Я – ископаемое!

– Я не хотел вас оскорбить! Умоляю вас! – бросился на колени бородатый, но я покачала головой, поджав губы. – Я готов подарить вам самый красивый алмаз, который сумели добыть в моем королевстве!

– То есть вы хотите меня подкупить? – громко произнесла я, глядя на других. – Вы считаете меня продажной женщиной? Не так ли?

– Горе мне! – схватился за голову бородач. – Что ни скажи, все не так! Умоляю, прошу, молю... Забудьте о том, что я вам сказал!

– Я попробую, – отвернувшись я, и прикрывая лицо рукой. – Но, поверьте, это произойдет нескоро! Мне нужно время...

– Вы(, – как огонь! – звонко сообщил молодой человек с длинными серыми волосами. – Страстная, прекрасная, опасная... Я бы бесконечно смотрел на ...

– То, как я постоянно что-то пожираю без разбора? – скривилась я, словно вот-вот заплачусь. – Один сказал, что я толстая, другой сказал, что я постоянно что-то ем, третий назвал старухой! Разве можно так?

Я спрятала лицо в руках, делая вид, что плачу.

– Эм... – замялся еще один любитель комплиментов, покуда отвергнутая братия(, открыто над ним посмеивалась. – Неловко получилось! Вы немного кушаете.... Я... просто... Отец меня убьет!

У подножья трона стоял еще один кандидат с очаровательной картошкой вместо носа.

– Я бы сравнил вас с... бабочкой! – выдал он, горделиво вскидывая кудрявую голову.

– Ночной или дневной? Или однодневкой? – я вздохнула так глубоко и тяжело, что сейчас у присутствующих начнется кислородное голодание. – И вы туда же! Я вот смотрела на вас и надеялась, что, хотя бы вы не опуститесь до оскорблений, но ... увы, я ошиблась! Девушка на один день! И это он говорит мне! Императрице!

Что-то мне подсказывало, что в кучке отверженных зреет теория мирового заговора, а ни одна красавица больше не услышит от них ни единого комплимента.

Передо мной стоял высокий тип в плаще. Вместо его лица зияла черная бездна капюшона. Рядом с ним терся пожилой мужчина, поглядывая то на меня, то на хозяина.

– Мой господин приветствует вас! – произнес слуга, отвешивая поклон, пытаясь выдать утчивую улыбку.

– А сам он говорить никак? – уточнила я, лениво подпирая рукой лицо. Видимо, его и так судьба обидела, но посчитала, что недостаточно, так что на линии унылой и беспросветной жизни нарисовала меня.

– Мой господин просил передать вам, что вы его сильно позабавили! – произнес слуга в абсолютной тишине, поглядывая на своего немногословного спутника. – А еще он говорит, что у вас попа маленькая, чтобы усидеть на троне... Я передал дословно! Как мне сказали, так и озвучил!

– Он не умственно – отсталый? – на всякий случай переспросила я, глядя, как дрогнула в тихом смехе грудь, обтянутая черной тканью.

Незнакомец склонился к слуге, а тот закивал, глядя на меня.

– Мой господин сказал, что вы похожи на ... кролика! – торжественно произнес слуга. – Он сказал, что это – не комплимент! Это констатация прискорбного факта!

– Это он что? Намекает на то, что у меня длинные уши? Или с передними зубами что-то не то? – возмутилась я, вставая с трона. – Или я лохматая?

Любитель комплиментов снова наклонился, а старый слуга вздохнул, уставившись на меня и кивая.

– Просто вы так красиво развесили уши, – заметил он, кивая в сторону своего «господина». – Я правильно сказал?

Мужик в плаще кивнул, заставив меня сжать кулаки и засопеть от негодования.

– Это уже слишком! Я ничуть не похожа на кролика! – я была возмущена до глубины души. – При чем здесь вообще кролик и уши? Да как вы посмели!

– А еще он сказал, что вашей венценосной попе подойдет маленький пушистый хвостик! – радостно озвучил слуга. – Я просто передал слова господина!

Рука незнакомца поднялась, а я предусмотрительно попятилась назад, чувствуя, что наткнулась на трон и села на него, вжимаясь в спинку.

– Стража! – позвал кто-то, а я горячо одобрила идею, потому как меня схватили одной рукой за платье на груди, а во второй появился серый туман, который потек в мою сторону, обволакивая меня и застилая глаза. Он врвался в мой открытый от изумления рот, я вдыхала его вместе с воздухом, не чувствуя ни запаха ни вкуса.

– Стража! – пискнула я, глядя как грудь таинственного незнакомца подергивается от смеха. Кандидаты на мою руку и сердце друженько эвакуировались в дальний угол, чтобы оттуда выкрикивать нечто грозное и мужественное, мол «Не подходи к Императрице! Я тебя голыми руками задушу! Вот только посмей!», не забывая при этом пятиться. Стража, гроыхая доспехами и воинственно размахивая мечами, собиралась показать мастер-класс, но едва завидев заклинание, решили показывать его на почтительном расстоянии, грозно требуя, чтобы меня тотчас же отпустили. Вот просто взяли и отпустили!

Туман исчез, а мне на щеку легла рука, нежно водя пальцем по моим пересохшим от ужаса и волнения губам.

– Тиш-ш-ше, кролик, тиш-ш-ше, – зловеще прошипел силуэт, не обращая внимания на крики и панику. – Проклятье мое неруш-ш-шимо...

Его рука скользнула по моей шее, делая вид, что душит меня, а я с ужасом смотрела на то, как она расшнуровывает корсет. Эта тварь наклонилась ко мне, дернула и прижала к себе так, словно у нас начался медовый месяц после десяти лет воздержания, разрывая юбку. Его подлая рука легла на то место, которое до этого нежно обнимала подушечка. Я чувствовала на щеке его дыхание, но ни вырваться, ни убежать не могла, стоя, как зачарованная.

– А вот и пуш-ш-шистый хвос-с-стик, как и обещ-щ-щал, – шепнули мне, резко дернув меня к себе и поглаживая мой копчик. – Трепещ-щ-щет и переж-ж-живает!

Что он творит! Я на секунду пришла в себя, попыталась оттолкнуть его и вырваться, но тут же мои руки обмякли, цепляясь за шелковистую ткань его одежды.

– Это Адильер! – внезапно закричал кто-то. Я уж было воодушевилась, в надежде, что сейчас все друженько соберут яйца в кулачки и бросятся мне на выручку, зная паспортные данные этого чудовища. – Спасайте...

Этот крик вселил в меня надежду.

– ...сь! Бегите! – истерично завопил кто-то, что-то выронив на пол. – Не вздумайте вступать с ним в бой!

Стража разбегалась, как уличная шпана, изучавшая единоборства по фильмам с Брюсом Ли, случайно решившая отжать телефон у чемпиона мира по боксу. А я думала, что за меня будут сражаться, как за пулт в новогоднюю ночь!

Сквозь странное наваждение я чувствовала его прикосновения, которые действовали лучше горсти успокоительных.

– Лиш-ш-шь клятва веч-ч-чной, ис-с-скренней любви, – прошептали мне, склоняясь ко мне так низко, что я чувствовала чужое дыхание. – С-с-способна ч-ч-чары с-с-снять мои...

Через мгновение я рухнула на пол, потеряв точку опоры, а вокруг воцарилась такая тишина, что было слышно, как стучат чьи-то зубы и дрожат колени.

Я встала, чувствуя себя не лучше, чем население земли первого января, зашторила руками верхний элемент костюма Евы, видя, как оборванная юбка волочится длинным шлейфом по ступеням, обнажая мои ноги.

На меня смотрели так, словно буквально вчера мой портрет показали по новостям на фоне многочисленных трупов моих жертв. Я провела руками по лицу, не чувствуя разительных перемен. После дешевого крема для лица «Улыбка», когда на следующее утро меня обнесло так, что прокаженный Иов после меня вымыл бы руки с мылом три раза, и то был более ошутимый результат. Я рассматривала свои дрожащие руки и ноги, но ничего подозрительного не заметила.

– Уши развесила! – послышался мне шепот, а я резко обернулась. Ничего себе! Субпродукты в виде рук и сердец трусились холодцом в самом дальнем конце зала. Я замерла, закусывая губу.

– Выбрала? – послышался откуда-то сверху женский голос. – Наша-то выбрала?

– А мне почему знать-то? – ответил ему еще один, причем, как-то недовольно, ворчливо. – Ты не женихов считай, а постель труси! Женихи-то, небось на ночь останутся!

Странно! Вокруг меня все молчали, но я слышала голоса. Ой! А в углу мышка! Шуршит! Представляете, шуршит мышь!

Я поднесла руку к ушам, не веря им, как вдруг... Мамочка! Это... Это... У меня на голове было что-то длинное и ... и... пушистое!

– Принесите зеркало! – задыхнулась я, боясь снова прикоснуться к торчащей пушистости. – Ева, тебе просто показалось... Ты перенервничала...

Мне учтиво подали зеркало, в котором отражалось мое перепуганное лицо. Я отвела зеркало в сторону и ... Зеркало с треском упало на пол и разлетелось на осколки. У меня на голове были белые, пушистые, кроличьи уши! Моя рука украдкой скользнула в сторону копчика, чувствуя, как он трясется. У меня никогда раньше копчик не принимал все так близко к себе, кроме неудачных падений! Мои пальцы прикоснулись к чему-то пушистому, на секунду застывшему, а потом задержавшемуся.

– Он говорил, – сглотнула я, глядя на принцев всех мастей. – Что проклятие снимет клятва вечной и искренней любви! Тот, чья клятва снимет проклятие, тот и станет моим мужем...

– Клянусь в вечной и искренней любви! – наперебой заорали кандидаты. Один из них, тот бородач, даже упал на колени. – Клянусь любить тебя вечно!

– Понятно, – прошептала я, глядя на «вечную и искреннюю любовь», слушая заверения в ней со всех сторон. Я медленно встала с трона, опираясь на его спинку, а потом побрела в свою комнату, оставив женихов орать, как мартовские коты.

– Ну вот за что? – всхлипывала я, водя пальцами по своей голове. – Что я сделала этому Адильеру?

«... политический ход!», – послышался мне знакомый голос, а я привстала с кровати. Где-то какая-то сволочь пела про какого-то рыцаря, где-то ругались две женщины, споря о том, как правильно укладывать подушку в королевской опочивальне. Я настороженно прилегла и снова услышала голоса.

«... традиция, которая сильнее, чем закон, гласит, что как только особа женского полу королевской крови...»

«Какал, какал день и ночь напролет!» – услышала я хриплый голос, а потом потрясла головой. «Скакал без отдыха и сна... Покуда полная луна, как грудь прекрасной Лиры светила ... в вышине... вершине... мира!».

«Я при дворе уже пятнадцать лет! Не учи ученую!» – слышалось визгливое.

Я отчетливо слышала, как что-то уронили со словами: «Авось не заметят!».

«Ты что творишь! Пенку нужно снимать в последнюю очередь! Борзый! На! На кость!» – басил кто-то.

Среди десятка шорохов, шумов и голосов, я пыталась услышать один единственный.

«...в замок? Хм! Недурно! Хороший политический ход! Народу он понравится!» – снова услышала я.

«Он взял ее в стог, она кричала ... не могу! Но пламя страсти стог сожгло...» – пел кто-то, заглушая своим фальшивым пением все вокруг.

«Народ за нее уцепился, но тут и змеи сыты, и кролики целы! – рассмеялся кто-то. – Решено! Здесь она уже не выкрутится!».

Глава четвертая. Развращаться – плохая примета!

Покуда все мои подруги
Ждут принца на коне лихом,
Я просто так, от брэнной скуки,
Связала жизнь свою с лохом
Он – некрасив, к тому же беден,
Стабилен в минусе доход,
Он напивается до бредней,
Работу ищет целый год.
Но я не унываю,
Я перевоспитаю!

Из сборника «Надежда умирает последней»

Я ворочалась, слыша постоянно какой-то шум. Мышиный ипподром, пьяные песни какого-то местного представителя «кострады», ибо сжечь его на костре стало чем-то сродни навязчивой идеи, последние сплетни о том, что помощница кухарки залезла в штаны камердинеру, и все никак оттуда не вылезет и так далее... Простонав и поворочавшись, я попыталась накрыть уши подушкой, чтобы хоть как-то обеспечить себе звукоизоляцию. Не выдержав, я встала, осмотрелась по сторонам и подошла к зеркалу, задирая юбку. Нам, где у нормальных людей все отпало, у меня красовался маленький пушистый и белый хвостик. Ой! Он дернулся! Мамочки! Он шевелится! Ха! А ну-ка!

– Чижик-пыжик, где ты был? – нескладно и грустно пропела я, ритмично шевеля хвостом. – Всю зарплату я пропил!

Я прижала уши к голове, глядя на свое несчастное лицо. Кролик! Я – кролик! Тяжело вздохнув, я побрела в кровать, засовывая голову под подушку. Душераздирающе зевнув, я закрыла глаза под местный шлягер про похотливую жену мельника. Не помню, на каком мужике... Ой, простите, куплете, я уснула, но счет уже пошел на десятки!

Внезапно, сквозь сон я услышала осторожные шаги! Сердце мучительно забилось, подкатывая к горлу, хвостик задрожал, а что-то внутри превратилось в старенький дребезжащий холодильник.

– Иди сюда! – послышалось рычание, заставившее меня дернуться и вскочить. Ничего себе! Какой огромный, одноглазый мужик с ножом! В комнате было уже светло, а я скатилась вниз с кровати, видя, как он опускает нож прямо на ком из одеял и подушек, терзая их так, словно бедолага всю жизнь мечтал сходить в 3-d кинотеатр, но по моей вине ему придется довольствоваться унылым 2-d.

– Это из-за тебя я потерял глаз! – орал он, а мне на секунду стало искренне жаль бедолагу, который положил на меня орган, плененный моей красотой. – Я убью тебя! За то, что отказала его высочеству!

Мое сердце ушло в пятки, а я попыталась встать на две ноги, но тут же потеряла равновесие, шлепнувшись на пол и отчаянно пытаюсь убежать... Все казалось таким огромным и странным.

– А-а-а! – пискнула я, забиваясь в угол. – Мужик с ножом!

Мужик странно посмотрел на меня. На секунду мне показалось, что он даже пытается строить мне глазик, а потом как заорет, бросая нож на пол.

– А-а-а! Говорящий кролик! – и рухнул на пол.

Я опасливо подошла к распростертому на полу телу, чтобы схватить нож и добить мерзавца, дабы впредь неповадно было, но... Не может быть! Вместо рук у меня были пушистые белые лапы.

– Ы-ы-ы! – простонала я, чувствуя, как все еще трепещет мой испуганный хвост. Лапой я толкнула нож под кровать, осматривая тело, не подающее признаков жизни. Я попыталась ухватить нож зубами, мысленно плюясь, забралась на тело и приставила его к горлу убийце.

– Фто фебя пофлал! – я настойчиво требовала ответа, придерживая нож у горла. – Оффай!

– Что здесь произошло? – в комнату влетела стража, а через секунду застыла на месте.

– Ты это видишь? – усатый стражник поднял брови, толкая локтем бородатого соседа. – Ты точно это видишь?

– Я у тебя хотел спросить! – икнул сосед, протирая глаза. – Ты точно видишь кролика с ножом, которым он пытается убить человека? Или его вижу только я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.